

Юрьева Наталья Ивановна

учитель

МОУ «Тираспольская средняя школа №17 им. В.Ф. Раевского»

г. Тирасполь, Республика Молдова

ОБРАЗЫ-СИМВОЛЫ «СМЕХ» И «СМЕРТЬ»

В ТВОРЧЕСТВЕ Л. АНДРЕЕВА

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые образы «смерть» и «смех» в рассказах Л. Андреева «Смех» и «Красный смех». Автор статьи относит эти образы к образам-символам и делится своим восприятием творчества Л. Андреева, проводя параллель с рассказом Эдгара По «Красная смерть».

Ключевые слова: образ, символ, смех, смерть.

«Кто я? – задается вопросом самый парадоксальный, неоднозначный и скандальный писатель стыка веков Леонид Андреев. – Для благородно-рожденных декадентов – презренный реалист; для наследственных реалистов – подозрительный символист» [Литературное наследство. М., 1965. Т. 72: М. Горький и Леонид Андреев. С. 351.]. Он чувствует свою отчужденность, свою непохожесть на других, осознает и свою оторванность от литературных традиций XIX века. Разгадать загадку «сфинкса российской интеллигенции», как называет Л. Андреева В.В. Брусянин в своей книге «Леонид Андреев. Жизнь и творчество», дать вразумительное толкование необычному «строю души» этого художника пытались многие. Но до конца Андреев, как поистине гениальный творец, так и не понят. И у нас есть уникальная возможность продолжить постижение тайн и глубин (а скорее бездн) его души и его творчества.

Новая эпоха – эпоха перемен, эпоха отчаяния и надежд, – диктует новое содержание его творчеству и требует для этого содержания новых форм.

И Андреев воплощает в своих произведениях образы-символы, характеризующие не только его время, но и все времена, когда человек стоит на краю бездны. Такими яркими образами-символами становятся образы *бездны, стены, смеха, смерти*.

Об образах-символах писал В.И. Беззубов в статье «Смех Леонида Андреева». Рассматривая образ Смеха (В.И. Беззубов пишет названия образов с заглавной буквы), исследователь отмечал наличие в творчестве писателя и других образов-символов: «Вообще, как мы увидим далее, Смех становится у Андреева одним из таких образов символов, как Стена, Тьма, Ложь» [Беззубов 1983; 13–24].

О смехе как образе-символе писал в своей статье «Смеховое начало в творчестве Л.Н. Андреева (проза начала 1900-х гг.)» Гомон Андрей Михайлович. Этот же образ, наряду с образами *бездны, стены, смеха, смерти*, встречаем в исследовании Алексея Богданова «Между стеной и бездной: Леонид Андреев и его творчество».

Образ смеха встречается во многих произведениях Л. Андреева, таких как «Большой шлем» (1899), «Смех» (1901), «Стена» (1901), «Ложь» (1901), «В подвале» (1901), «Предстояла кража» (1902) «Жизнь Василия Фивейского» (1903), «Мебель» (1902), «Вор» (1904), «Красный смех» (1904) и др.

При этом смех наделяется разными, часто прямо противоположными значениями. С одной стороны смех, улыбка – это жесты, выражающие радость, искреннее веселье; с другой стороны, смех граничит с безумием и часто становится предтечей смерти героя. В большинстве произведений писателя смех – это знак враждебности окружающих людей по отношению к главному герою. Кажется, что это не просто смех, а хохот, действующий самостоятельно и существующий отдельно от человека. Смех приобретает исключительно отрицательную оценку, он оказывается частью враждебного мира, уничтожающего героя.

Мне, читателю 21 века, спустя более чем сто лет после публикации произведений Л. Андреева захотелось поделиться своими впечатлениями и мыслями, возникшими после прочтения рассказов «Смех» и «Красный смех».

5 января 1901 г. в газете «Курьер» был издан рассказ Л.Н. Андреева «Смех» с подзаголовком «Одна страничка». Радостное, на первый взгляд, название рассказа может ввести в заблуждение. Я, как читатель, рассчитываю по крайней мере на веселый сюжет с забавными героями и чередой комических ситуаций.

Да, забавный герой присутствует, комическая ситуация, в которую попадает этот герой, тоже на лицо, но почему-то смеяться не хочется. Героя жаль до слез, героиню за черствость и эгоизм начинаешь ненавидеть, и вместо веселого расположения духа получаешь уныние и тоску. Наверное, то же самое чувствовал и читатель прошлого столетия, когда прочел в газете рассказ с таким обнадеживающим названием «Смех» с подзаголовком «Одна страничка». И на этой одной страничке поместилось безмерное горе молодого человека, испытавшего и радость влюбленности, и боль от неразделенной любви, и страдания от непонимания и одиночества.

А ведь так хорошо все начиналось. Молодой человек шел на свидание, он был весел, счастлив, готов обнять весь мир. Но этот мир рухнул, когда возлюбленная в ответ на страстные признания и мольбу только смеялась.

«- Нет, нет, не могу... – почти стонала она и, закинув голову, снова разражалась звучным каскадом смеха».

И этот смех еще долго преследовал героя. И все бы ничего, но смех становится не просто выражением эмоции, он оживает, заполняет собой все пространство, приобретает черты реального существа, подчиняет себе окружающих героя людей.

«Товарищи мои катались от смеху по диванам, бессильно падали на стулья и махали руками».

«За мной ходили целыми толпами, вертели меня, толкали, щипали – и когда измученный, я с гневом оборачивался к преследователям, – неудержимый хохот овладевал ими. Весь путь меня окружала и давила грохочущая туча хохота и двигалась вместе со мной, а я не мог вырваться из этого кольца безумного веселья».

И не только друзья, возлюбленная («жестокий смех всеильно овладел ею»), случайные прохожие, но и сам герой становится игрушкой в руках чудовищного смеха.

«Я чуть не плакал, но, когда я взглянул в зеркало, смех овладел и мной».

Смех становится полноправным персонажем. Он куражится, рассыпается, издевается над героем, доводит героя до сумасшествия. И еще долго того

преследует «звонкий смех: как будто с громадной высоты падала серебристая струйка воды и с веселым пением разбивалась о твердую скалу».

Трудно сказать, смог ли герой справиться с постигнувшим его разочарованием, смог ли усмирить боль и вернуть себе рассудок. А может быть, закончил жизнь самоубийством? Автор не дает ответа. И у читателя остается ощущение, что смех свел героя с ума, приблизил его смерть.

«- Братцы, он с ума сошел! Смотрите, он раздирает свой костюм! Он плачет!» – так заканчивает свой рассказ Леонид Андреев, вводя в литературу новый образ-символ – Смех.

Как и его герой, автор испытал горечь неразделенной любви. Андреев писал: «Как для одних необходимы слова, как для других необходим труд или борьба, так для меня необходима любовь. Как воздух, как еда, как сон – любовь составляет необходимое условие моего человеческого существования» [цит. по Алексей Богданов 1925; 11].

Любовь, как и смерть, Леонид Андреев чувствовал тонко и остро, до болезненности. Он трижды пытался покончить собой, не выдержав страданий, причиняемых неразделенной любовью. Возможно, именно поэтому в его творчестве возникает еще один образ-символ – образ Смерти.

«Пустынею и кабаком была моя жизнь, и был я одинок, и в самом себе не имел я друга. Были дни, светлые и пустые, как чужой праздник, и были ночи, темные, жуткие, и по ночам я думал о жизни и смерти, и боялся жизни и смерти, и не знал, чего больше хотел – жизни или смерти. Безгранично велик был мир, и я был один – больное тоскующее сердце, мутящийся ум и злая, бессильная воля», – именно так охарактеризовал Леонид Андреев свою жизнь до встречи с Александрой Михайловной Велигорской, любовь к которой помогает писателю преодолеть тоску и одиночество, наполняет его жизнь новым смыслом [цит. по Алексей Богданов 1925; 19].

Однако образы смеха и смерти не исчезают из его рассказов, а наоборот, очень прочно поселяются на страницах его произведений. И это производит тяжелое, даже гнетущее впечатление.

Ярче всего оба этих образа проявляют себя в рассказе «Красный смех». Он написан в 1904 году в разгар русско-японской войны и отражает события этой войны.

Во время чтения рассказа у меня создавалось ощущение, будто я увязла в какой-то трясине и медленно, но уверенно погружаюсь в нее все сильнее и сильнее, по мере прочтения страницы за страницей. Будто не герой, а я сама начинаю слышать этот жуткий смех, временами переходящий в хохот, и постепенно погружаться в пучину безумия. Почему-то в памяти всплыл рассказ Эдгара По «Маска красной смерти». То ли красный цвет – цвет крови – навеял эти воспоминания, то ли общее состояние безумия, описанное в обоих произведениях, сроднило их.

«Все это казалось порождением какого-то безумного, горячечного бреда... Многое здесь было красиво, многое – безнравственно, многое – bizarre, иное наводило ужас, а часто встречалось и такое, что вызывало невольное отвращение» – так описывает Эдгар По маскарад.

«... безумие и ужас» – так характеризует войну герой Леонида Андреева.

«...тотчас же веселый, чуть приглушенный смех снова наполнял анфиладу, и снова гремела музыка, снова оживали видения, и еще смешнее прежнего кривлялись повсюду маски... У людей самых отчаянных, готовых шутить с жизнью и смертью, есть нечто такое, над чем они не позволяют себе смеяться», – читаем у Эдгара По.

«Вообще все показались ему похожими на пьяных: некоторые страшно ругались, другие хохотали, когда проволока схватывала их за руку или за ногу, и тут же умирали», – находим у Андреева.

«Теперь уже никто не сомневался, что это Красная смерть. Она прокралась, как тать в ночи. Один за другим падали бражники в забрызганных кровью пиршественных залах и умирали в тех самых позах, в каких настигла их смерть», – пишет Эдгар По.

«...перед моими глазами на месте бледного лица было что-то короткое, тупое, красное, и оттуда лила кровь... И в этом коротком, красном, текущем

продолжалась еще какая-то улыбка, беззубый смех – красный смех... Я узнал его, этот красный смех. Я искал и нашел его, этот красный смех. Теперь я понял, что было во всех этих изуродованных, разорванных, странных телах. Это был красный смех. Он в небе, он в солнце, и скоро он разольется по всей земле, этот красный смех!», – читаем у Андреева.

Образ смеха, «черного веселья», и образ смерти как следствие безумия, порожденного смехом, объединило в моем сознании оба произведения. И уже сложно было понять, где заканчивается безумие главного героя, офицера, потерявшего на войне обе ноги, и начинается безумие его брата, никогда не бывавшего на войне и слышащего о ней от других. Или это я сама уже начинаю сходить с ума. Чтобы выйти из подобного состояния, приходилось прерывать чтение, идти на кухню, пить кофе, а потом снова погружаться в пучину безумия, созданного талантливым писателем.

Образ «красного смеха» представляет собой картину души современного писателю человека, находящегося в противоестественных условиях войны. Смех (а точнее – хохот) становится действующим лицом. Он наделяется характеристиками – беззубый, красный, жестами – стоял, разольется. Его можно увидеть: «Красный смех, который видел брат». В финале рассказа красный смех даже перестает быть нарицательным, он становится именем собственным – Красный смех. Он словно приобретает плоть и кровь, он становится осязаем: «...За окном в багровом и неподвижном свете стоял сам Красный смех».

Список литературы

1. Андреев Л. Повести и рассказы / Л. Андреев; худ. Н. Тарасенко. – Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1989 г. – 624 с.
2. Беззубов В.И. Смех Леонида Андреева / В.И. Беззубов // Творчество Леонида Андреева: Исследования и материалы. – Курск: 1983. – С. 13–24.
3. Богданов А.В. Между стеной и бездной. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1 / А.В. Богданов. – М.: Художественная литература, 1990. –С. 5–40.
4. Брусянин В.В. Леонид Андреев: жизнь и творчество / В.В. Брусянин. – Репр. изд. 1912 г. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015 г.

5. Гомон А.М. Смеховое начало в творчестве Л.Н. Андреева (проза начала 1900-х гг.) / А.М. Гомон // Міжнародний науковий журнал «Інтернаука». Філологічні науки. – №16(56). – 2018 г.

6. По Эдгар. Рассказы / Эдгар По. – М.: Правда, 1979 г. – 448 с.